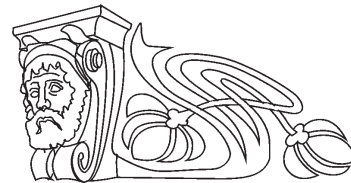

Научная статья

УДК 342

Международные судебные органы как субъекты наднациональной специализированной контрольной деятельности

А. В. Тарасов, К. Ю. Гоглева ✉

Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тарасов Алексей Васильевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры конституционного и международного права, mate-alexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3325-6398>

Гоглева Ксения Юрьевна, адъюнкт, goglevakseniya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Аннотация. Введение. В условиях стремительно меняющейся геополитической ситуации в мире весьма актуальным представляется вопрос повышения эффективности межгосударственного взаимодействия в рамках функционирования международных универсальных и региональных организаций. **Теоретический анализ.** Авторами доказывается правомерность выделения контрольной функции как одной из основных в деятельности международных судебных органов, назначением которых является защита естественного права, закона и сохранение принципов и норм международно-правовых взаимоотношений, в том числе и при рассмотрении споров о соответствии внутригосударственного законодательства стран-участниц международным соглашениям, обязательства по соблюдению которых они на себя приняли. **Эмпирический анализ.** В исследовании проведен критический анализ международной судебной практики, в первую очередь, содержащей в себе конструкцию «европейского консенсуса», являющегося мощным рычагом судейского активизма и подразумевающего исключение возможности применения доктрины свободы усмотрения государств-участников международных соглашений. **Результаты.** Рассмотрение международных судебных органов через призму предлагаемого научного подхода позволило сделать вывод об их ведущей роли в механизме защиты международных договоров в качестве самостоятельного субъекта специализированной контрольной деятельности, а также об их существенном влиянии на процессы государственной суверенизации и международной глобализации.

Ключевые слова: международный судебный орган, наднациональный контроль, судебный конституционный контроль, специализированный контроль, национальная идентичность, глобализация, международное право, Европейский суд по правам человека, Международный суд Организации Объединенных Наций, Европейский союз

Для цитирования: Тарасов А. В., Гоглева К. Ю. Международные судебные органы как субъекты наднациональной специализированной контрольной деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 464–472. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-464-472>, EDN: WLMWFFN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

International judiciaries as subjects of supranational specialized control activities

A. V. Tarasov, K. Yu. Gogleva ✉

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 1 Letchik Pilyutov St., St. Petersburg 198206, Russia

Alexey V. Tarasov, mate-alexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3325-6398>

Kseniya Yu. Gogleva, goglevakseniya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Abstract. Introduction. In the context of the rapidly changing geopolitical situation in the world, the issue of increasing efficiency of interstate interaction within the framework of the functioning of international universal and regional organizations seems to be very relevant. **Theoretical analysis.** The authors prove the legitimacy of highlighting the control function as one of the main functions in the activities of international judicial subjects, the purpose of which is to protect natural law, law and preserve the principles and norms of international legal relations, including when considering disputes about the compliance of the domestic legislation of the participating countries with international agreements, which they have undertaken to comply with. **Empirical analysis.** The study provides a critical analysis of international jurisprudence, primarily containing the construction of the “European consensus”, which is a powerful lever of judicial activism and implies the exclusion of the possibility of applying the doctrine of freedom of appreciation of states that are parties to international agreements. **Results.** Consideration of international judicial subjects through the prism of the proposed scientific ap-

proach led to the conclusion about their leading role in the mechanism of protection of international treaties as an independent subject of specialized control activities, as well as their significant impact on the processes of state sovereignization and international globalization.

Keywords: international judicial subject, supranational control, judicial constitutional control, specialized control, national identity, globalization, international law, European Court of Human Rights, International Court of Justice of the United Nations, European Union

For citation: Tarasov A. V., Gogleva K. Yu. International judiciaries as subjects of supranational specialized control activities. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 464–472 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-464-472>, EDN: WLMWFFN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современной правовой действительности наблюдается конкуренция процессов государственной суверенизации и международной глобализации. Последняя, на наш взгляд, четко прослеживается во все возрастающей наднациональной специализированной контрольной деятельности со стороны международных универсальных и региональных судебных органов. Ведь укрепление законности, безопасности и правопорядка как гарантия благополучия граждан – одна из приоритетных задач развития современного мирового сообщества, базирующегося на принципах уважения и защиты прав и свобод человека, причем в рамках не только национального, но и международно-правового законодательства.

Эффективное функционирование правозащитного механизма в мировых масштабах невозможно без обеспечения контроля и надзора над деятельностью национальных государственных органов всех ветвей власти, направленного на осуществление их качественного взаимодействия и сбалансированной совместной работы во благо реализации высокой цели по защите верховенства права в его естественной, природной сущности, положенной в основу норм и принципов международного законодательства, обязанность по соблюдению которых принимает на себя любое государство, входя в состав того или иного межнационального органа.

Теоретический анализ

Именно защита естественного права, закона и сохранение принципов и норм регулирования международно-правовых взаимоотношений есть смысл и основная задача функционирования института наднационального специализированного судебного контроля. Хотя в этом, на наш взгляд, заключается некоторая проблема, которую, впрочем, способно успешно решать большинство из органов современной национальной конституционной юстиции: это баланс, обеспечение слаженной работы и взаимодействия национальной системы права и международной, разрешение споров между ними, выраженное в

установлении возможности исполнения решений межгосударственных органов, иностранных или международных судов в случаях их противоречия основам национального публичного правопорядка¹.

Классическое обоснование теоретической основы специализированного судебного контроля связано с именем Ж.-Ж. Руссо, который в XVIII в. в своей работе «Об общественном договоре» впервые определил роль *судебных органов* в урегулировании конфликтов между законодательной и исполнительной властями, между народом и государством, государством и сувереном [1, с. 242], т. е. в публично-правовой сфере жизни общества. При этом мыслитель подчеркивал обособленность судебных органов от единого механизма государственной власти, что предопределяет их независимость и беспристрастность в разрешении вышеупомянутых вопросов [1, с. 242]. Руссо фактически смоделировал прообраз современной конституционной юстиции задолго до появления данного органа в Европе², отделив его от судов общей юстиции (которые в своем труде «Об общественный договор» он именовал «особыми магистратурами» [1, с. 147]) и обозначив их как «трибуналы» [1, с. 242]. Содержится в его работах и обоснование судебно-контрольной деятельности, направленной на контроль за соблюдением прав и свобод человека и обоснованность их ограничения как основной функции органов судебной власти, что представляется актуальным и сегодня в качестве основной ценности и объекта охраны в любом правовом государстве «старой» и «новой» демократии.

Представляется, что контрольно-надзорная деятельность, по сути, выступает имманентной функцией любого международного органа, так как его деятельность обеспечивается принципом *Pacta sunt servanda* (договоры должны быть соблюдены) [2], который предполагает, что государства-участники не могут

¹ В частности, в отечественной практике данное полномочие закреплено за Конституционным Судом Российской Федерации в п. 6 ч. 5.1. ст. 125 Конституции РФ.

² Первый конституционный суд в Европе появился в 1920 г. в Австрии.

ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания при невыполнении ими договора [3, п. 5].

«Гарантированность» соблюдения норм международного и регионального права при этом может рассматриваться в двух аспектах [4]:

1) на основе *доктрины принуждения* (enforcement) [5], заключающейся в прямой зависимости исполнимости норм международного законодательства от строгости применимых санкций по отношению к странам-участницам в случае их нарушения;

2) на основе *концепции менеджмента* [6], рассматривающей неисполнение норм международного права национальными органами как следствие объективных причин, в том числе включающих и сознательный шаг по сохранению своей государственной идентичности. В этом случае применение санкций и института международного принуждения контрпродуктивно, а значит, требуется особая «согласительная» процедура между органами власти государства-участника и органами управления международной организации.

Вопрос ответственности государств-участников за соблюдение принятых международных договорных обязательств безусловен, так как, принимая членство в данной международной организации, они а priori лояльно воспринимают ряд возможных правовых ограничений своей суверенности, устанавливаемых путем издания этими организациями актов властно-распорядительного характера, к числу которых относятся и решения международных судебных органов. Так, в частности, Основной закон Федеративной Республики Германия в ч. 1 ст. 24 прямо предусматривает, что «Федерация может на основании закона передавать осуществление своих суверенных прав межгосударственным учреждениям» [7, ст. 24].

Основываясь на предыдущих рассуждениях, можно говорить о наличии так называемых международных универсальных и региональных *наднациональных органов судебного контроля*, полномочных рассматривать публично-правовые споры о соответствии внутригосударственного законодательства стран-участниц международным соглашениям, подпадающим под юрисдикцию данных судебных органов. К ним относятся, на наш взгляд:

– Международный Суд Организации Объединенных Наций (далее – ООН) (International Court of Justice), учрежденный Уставом Организации Объединенных Наций для достижения одной из главных целей ООН – «проводить мирными средствами, в согласии с принципа-

ми справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира» [8, с. 84–113];

– Европейский суд по правам человека (European Court of Human Rights), представляющий собой институт региональной защиты прав человека, представленный Судом Совета Европы, реализующим свою юрисдикцию во исполнение Конвенции о защите прав человека и основных свобод [9];

– Европейский Суд (Суд Европейских Сообществ) (European Court of Justice) – высшая судебная инстанция Европейского союза, в компетенцию которой входит рассмотрение вопросов исполнения и толкования всех региональных договоров и соглашений. Осуществляет свою деятельность на основе Протокола о статуте Суда Европейского союза, утвержденного Договором об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии [10];

– Африканский суд по правам человека и народов (African Court on Human and Peoples' Rights) – региональный судебный орган Африканского союза (АС), учрежденный для контроля за реализацией и соблюдением положений Африканской Хартии прав человека и народов (также известной как Банжульская хартия) от 26.06.1981 [11];

– Межамериканский суд по правам человека (Inter-American Court of Human Rights) – региональный судебный орган, учрежденный Американской конвенцией по правам человека, ратифицированной членами Организации американских государств (ОАГ) (заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969 г.) [12].

Эмпирический анализ

Следует отметить, что с начала XXI в. ряд западных исследователей отмечают существенные изменения в системе сдержек и противовесов стран Совета Европы, указывая в том числе на то, что происходит «глобальная экспансия судебной власти» [13]. Данное суждение, на наш взгляд, представляется небезосновательным, если принять во внимание все возрастающее влияние «наднациональных» судов (например, Европейского суда по правам человека, фактически принявшего на себя роль конституционного суда и распространившего свою юрисдикцию на территории всех стран-участниц Совета Европы), выраженное в их регулярных попытках «вторжения» в область национальной идентичности внутригосударственного законодательства и политического строительства (в первую очередь, заключенного

в конституционных основах). Признает факт расширения контрольных полномочий судебной власти и Консультативный совет европейских судей, который в своем Заключении № 18, принятом в 2015 г. [14], указал на то, что исполнительная и законодательная власть стали более независимыми, существенно возросло число их полномочных органов, что привело к вынужденному возрастанию роли судов в сфере нормоконтроля издаваемых государствами-участниками нормативных актов, рассмотрения споров о компетенции, а также дел об обжаловании действий исполнительных органов стран Совета Европы. Подтверждается данный тезис и анализом судебной практики данного региона.

В 2002 г. предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) стало дело «Брониовски против Польши» (*Broniowski v. Poland*) [15], заявитель по которому имел право на предоставление компенсационной выплаты за утраченный земельный участок, вышедший из-под его владения ввиду изменения государственных территориальных границ после Второй мировой войны. В результате принятия властями Польши нового законодательства данный гражданин лишился права на выплату и, сочтя это несправедливым, обратился в национальный орган конституционной юстиции. Конституционным судом Польши оспариваемые нормы нового законодательства были признаны неконституционными, однако органы исполнительной власти отказались исполнять данное судебное решение и продолжили отказывать заявителям в получении компенсационной выплаты. Рассмотрев данную жалобу по существу, ЕСПЧ указал на нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [9], уточнив, что «такое поведение государственных органов, в том числе их осознанная попытка помешать выполнению окончательного и обязательного к исполнению постановления, которое к тому же терпели, если не молчаливо одобряли исполнительные и законодательные органы, не могло быть объяснено наличием законных публичных интересов или интересов всего общества. Напротив, подобное поведение могло подорвать доверие к судебному органу и его авторитет, поставить под сомнение его эффективность» [15] (курсив наш. – Авт.), не только подтвердив общеобязательность исполнения решений судебных органов, но и подчеркнув важность функциональной модели реализации принципа разделения властей, предполагающего сбалансированную работу всех трех ветвей власти, направленную на обеспечение верховенства

права, легитимности граждан по отношению к легальному разрешению публичных конфликтов, а также *формирование конституционно-правовой культуры польского общества*.

В решениях по объединенным делам в отношении Я. Кади [16] Суд Европейского союза проявил свою контрольную функцию в еще большей степени. В частности, он расширил свою исключительную компетенцию на рассмотрение спорных ситуаций между нормами глобального права (которое в данном случае представляет право ООН) и регионального (европейское право) [17, с. 117], аннулировав резолюцию Совета Безопасности ООН о замораживании финансовых средств и других финансовых ресурсов Кади на основании того, что «никакой международный договор не может затрагивать распределение полномочий, зафиксированное в договоре о ЕС, и, следовательно, автономность правопорядка ЕС» (п. 282 Решения по объединенному делу «Яссин Абдулла Кади и Международный фонд Аль-Баракаат против Европейского Совета и Европейской Комиссии») [18]. Кроме того, «обязательства, налагаемые международным договором, не могут иметь последствием ущемление конституционных принципов правопорядка Европейского союза, в число которых входит и принцип, что уважение основных прав человека является условием правомерности этих актов для Суда ЕС...» (п. 285 вышеуказанного Решения). Далее, в п. 286, Суд ЕС заявил о своем правомочии по рассмотрению любых внутренних актов Европейского союза, имплементирующих решения международных организаций, на предмет их соответствия основным правам человека [19, с. 30], что, на наш взгляд можно трактовать как осуществление последующего судебного контроля на предмет соответствия вступивших в законную силу международных правовых актов региональному законодательству. Последнее, конечно, представляется не бесспорным с точки зрения международного права ввиду приоритетности обязательств государств-участников Организации Объединенных Наций, согласно Уставу ООН, над обязательствами по любому другому договору и отсутствия компетенции у Судов Европейского союза по рассмотрению вопросов законности решений международных организаций. Однако иного способа для обеспечения прав и свобод граждан, нарушенных в ходе наложения на них санкций со стороны ООН, на сегодняшний день нет, так как Комитет по санкциям Совета Безопасности ООН, проверяя списки, выступает в роли *jundex in causa sua* (судьи в своем собственном деле),

что в некоторой степени объясняет логику судей Европейского союза, выносящих подобные решения.

Хотелось бы, чтобы данный подход был применим со стороны европейских судебных органов и в «обратную сторону», по отношению к рассмотрению вопросов, затрагивающих так называемую конституционную идентичность [20–25] государств-участников Европейского союза и Совета Европы.

Так, например, в Распоряжении от 27.10.2021 Европейский суд обязал польское правительство выплачивать штраф в 1 млн евро ежедневно «из-за отказа приостановить действие национального законодательства, которое, в частности, относится к юрисдикции дисциплинарной палаты Верховного суда» [26], учрежденной в результате проводимой Правительством Польши судебной реформы, не нашедшей поддержки со стороны Евросоюза. В «ответном» решении Конституционный суд Польши заключил, что четыре положения Договора о Европейском союзе (об уважении к человеческому достоинству, свободе, демократии, о верховенстве права и равенстве, а также о юрисдикции Европейского суда) противоречат основным конституционным принципам страны и не должны преобладать над Основным законом Польши. Это, на наш взгляд, представляется аргументационно оправданным в сохранение принципа конституционной идентичности и обеспечение стабильности всей системы организации внутринациональной государственной власти.

Вышеуказанный пример, увы, не единственный. В целом, Европейский Суд по правам человека довольно часто применяет конструкцию европейского консенсуса, являющуюся мощным рычагом судейского активизма. Она подразумевает, что констатация ЕСПЧ наличия консенсуса по какому-либо вопросу исключает применение доктрины свободы усмотрения государств: поскольку соответствующий вопрос уже решен большинством государств-членов Совета Европы подобным образом, государство не должно иметь возможности действовать по-иному [27].

Следует отметить, что в современной мировой действительности наблюдается тенденция увеличения специализированных контрольных международных органов. Так, на регулярной основе звучат идеи создания Всемирного суда по правам человека (World Human Right Court) [28] и Международного конституционного суда [29]. С 2014 г. активно обсуждается идея организации двух новых наднациональных органов

судебного контроля по защите прав и свобод человека и гражданина, под юрисдикцию которых может войти и Российская Федерация³: это Суд БРИКС (BRICS – Brazil, Russia, India, China, South Africa) и Азиатский суд по правам человека (далее – АСПЧ).

Инициатива создания АСПЧ, основанного на международных нормах в области прав человека, в целях укрепления их защиты в азиатском регионе принадлежит Конституционному Суду Республики Корея и была впервые озвучена в 2014 г. в ходе Всемирной конференции по конституционному правосудию [30]. Признавая огромный вклад существующих международных судов по правам человека в Европе, Америке и Африке, участники призвали азиатские суды содействовать таким обсуждениям и тем самым способствовать глобализации распространения судебного контроля в данной сфере. Положительно отозвался о такой перспективе и Председатель Конституционного суда РФ В. В. Зорькин, заключив в ходе встречи с руководителем Конституционного Суда Индонезии и Президентом Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных органов Хамданом Зулфой, что «Азиатский суд по правам человека был бы актуален для России в связи с тем, что Россия не только европейская, но и евразийская страна. Однако данный вопрос лежит в сфере политических решений правительства, а не юридических обоснований». В сообщении отечественного органа конституционной юстиции, размещенном на его официальном интернет-сайте, говорится, что «стороны выразили готовность способствовать реализации данного предложения, в том числе через его обсуждение на ближайшем заседании Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных органов в Джакарте» [31]. И хотя на сегодняшний день в азиатском регионе отсутствует единая система защиты прав человека, основанная на нормоположениях предварительных договорных обязательств, на субрегиональном уровне (а именно в Юго-Восточной Азии) наблюдается определенное развитие в направлении институционализации гуманитарных механизмов [32, с. 21]: в частности, создана и уже 13 лет функционирует Межправительственная

³Представляется, что в связи с выходом Российской Федерации из состава Совета Европы и денонсации Европейской Конвенции по правам человека с 16 марта 2022 г., что последовательно привело к невозможности реализации права на обращение граждан России в ЕСПЧ, за исключением жалоб по нарушениям, совершенным до 15 марта 2022 г. включительно, а также в свете стремительного изменения политической картины мира, связанного с событиями от 24 февраля 2022 г., данный вопрос актуализировался особо и требует рассмотрения в рамках данного исследования.

комиссия по правам человека (МКПЧ), основной функцией которой является контроль за исполнением положений Азиатской декларации прав человека, подписанной государствами-членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 2012 г. (см. подробнее [33]), как представляется, вполне способной стать прообразом будущего Азиатского суда по правам человека.

Результаты

Проведенный теоретический и эмпирический анализ деятельности международных судебных органов позволяет утверждать, что юстициабельность прав человека и международно-правовых принципов как их нормативных оснований, заключающаяся, в первую очередь, в закреплении самой возможности обращения граждан в наднациональные контрольные органы за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод в случае низкого уровня их гарантированности национальным законодательством, является состоявшимся фактом современной правовой действительности. Международные универсальные и региональные судебные органы стали имманентным участником формирования правовой политики в области прав человека и в смежных с ней вопросах как на межгосударственном, так и на национальном уровнях. Сочетая в своей деятельности нормоконтрольную и «консультативную» функции, а также осуществляя ad hoc толкование положений международных договоров, они осуществляют специализированную контрольную деятельность за соблюдением договорных обязательств странами-участницами и выносят решения, которые становятся не только источниками международного права, но и частью национальных правовых систем [3]. На наш субъективный взгляд, это не отрицает возможности признания принципа конституционной идентичности государств-участников международных организаций и договоров как суверенных государств [34], обладающих правом некоторой международно-правовой дискреции в вопросе самостоятельного определения вектора развития внутреннего государственного правового устройства, и исключает возможность истолкования процесса исполнения решений международных наднациональных органов судебного контроля с точки зрения его абсолютной бинарности, сохраняя возможность диалога между субъектами данного рода правоотношений и учитывая неизбежность таких факторов, как «эволютивное» толкование⁴ и судейский активизм при поста-

новлении решений наднациональных международных универсальных и региональных органов специализированного контроля и их возможные негативные последствия.

Список литературы

1. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. М. : Канон-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с.
2. Тунов О. Н. Принцип соблюдения международных договоров и устава ООН // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 3. С. 104–110.
3. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 // Российская газета. 1995. 28 дек.
4. Исполинов А. С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 47–48.
5. Downs G. W., Locke D. M., Barsoom P. N. Is the good news about compliance good news about cooperation? // International Organization. 1996. Vol. 50, iss. 3. P. 379–406. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033427>
6. Chayes A., Handler Chayes A. On compliance // International Organization. 1993. Vol. 47, iss. № 2. P. 175–205. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027910>
7. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23.05.1949 (с изм. от 2014 г.). URL: <http://constituteproject.org> (дата обращения: 04.07.2022).
8. Международное право в избранных документах : в 3 т. / сост. Л. А. Моджорян, В. К. Собакин. Т. 2. М. : Изд-во ИМО, 1957. 319 с.
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. ETS № 005 (Рим, 04 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994) в ред. Протокола № 11 от 11.05.1994 // Собр законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.
10. Протокол о статуте Суда Европейского Союза, утвержденный Договором об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (2016/С 203/01) (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидированный текст с учетом Ниццких изменений). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Африканская хартия прав человека и народов (принята в г. Найроби 26.06.1981) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. 2-е изд. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2002. С. 887–899.
12. Американская конвенция по правам человека, ратифицированная членами Организации американских государств (ОАГ) (заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. 2-е изд. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2002. С. 867–886.
13. The Global Expansion of Judicial Power / ed. by C. N. Tate, T. Vallinder. New York : New York University Press, 1997. 570 p.

⁴Выявление смысла и содержания нормативного акта уполномоченным на то органом с учетом конкретно-исторических условий.

14. Заключение Консультативного Совета Европейских судей для Кабинета Министров Совета Европы № 18 (2015) «Состояние судебной системы и ее взаимодействие с другими ветвями власти в современном демократическом государстве». Лондон. 16 октября 2015 г. ССЖЕ (2015) 4 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 12.
15. Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 19.12.2002 г. по вопросу приемлемости жалобы № 31443/96 «Брониовски против Польши» (Broniowski v. Poland) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2003. № 7.
16. Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P, Judgment (Grand Chamber), 18 July 2013. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=139745&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1914364> (дата обращения: 04.07.2022).
17. Гуласарян А. С. Решение Суда Европейского Союза по объединенному делу «Европейская комиссия, Соединенное Королевство и Совет Европейского Союза против Ясин Абдулла Кади» от 18 июля 2013 года // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 6. С. 112–117.
18. Joined Cases C-402/05 P and C-415/05 P, Jassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council of the European Union and the Commission of the European Communities. [2008] ECR I-0635. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62005CJ0402> (дата обращения: 04.07.2022).
19. Исполинов А. С. Суд Европейского союза, Ясин Кади и статья 103 устава ООН // Российский юридический журнал. 2013. № 6 (93). С. 27–35.
20. Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196–201.
21. Кравец И. А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный порядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202–215.
22. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414. <https://doi.org/10.31857/S0869587320050035>
23. Гаджиев Г. А. О судебной доктрине конституционной идентичности // Судья. 2017. № 12 (84). С. 31–35.
24. Ливеровский А. А. Европейская идентичность: конституционное измерение // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения : сб. науч. ст. / под ред. Е. В. Викторовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 113–117.
25. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). С. 1–12.
26. Приказ заместителя Председателя Суда Европейского Союза по делу C-204/21 R от 27.10.2021 // Пресс-релиз Суда Европейского Союза № 192/21. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2021-10/cp210192fr.pdf> (дата обращения 01.07.2022).
27. Dzehtsiarou K. European Consensus and the Evolutive Interpretation of the European Convention on Human Rights // German Law Journal, October 2011, vol. 12, iss. 10: Special Issue Legitimacy and the Future of the European Court of Human Rights, pp. 1730–1745. <https://doi.org/10.1017/S2071832200017533>
28. Nowak M. The Need for a World Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2007. Vol. 7, iss. 1. P. 251–259. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngl026>
29. International Constitutional Court proposed to protect democracy. URL: <http://oldside.idea.wana/international-constitutional-court-proposed-to-protect-democracy.cfm> (дата обращения: 04.07.2022).
30. Сеульский Коммюник от 30 сентября 2014 года Всемирной конференции по конституционному правосудию (28.09 – 01.10.2014 г.). URL: https://www.venice.coe.int/wccj/seoul/WCCJ_Seoul_Communique-RUS.pdf (дата обращения: 04.07.2022).
31. Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционный Суд Республики Индонезии подписали Меморандум о сотрудничестве. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3196> (дата обращения: 04.07.2022).
32. Бушев Е. А., Кузнецов Д. А. На пути к единой системе защиты прав человека в Азии (рассуждения о перспективах создания Азиатского суда по правам человека) // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5 (59). С. 20–30.
33. Renshaw C. Sh. The ASEAN Human Rights Declaration 2012 // Human Rights Law Review. 2013. Vol. 13, iss. 3. P. 557–579. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngt016>
34. По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [The Social Contract. Treatises]. Moscow, Kanon-press, Kuchkovo pole Publ., 1998. 416 p. (in Russian).

2. Tiunov O. N. The principle of compliance with international treaties and the UN Charter. *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Legal Studies], 1976, no. 3, pp. 104–110 (in Russian).
3. On some issues of the application of the Constitution of the Russian Federation by the courts in the administration of justice. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 8 of 31.10.1995. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1995, 28 December (in Russian).
4. Ispolinov A. S. Compliance with the judgements of international courts: theory and practice. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2017, no. 1 (21), pp. 47–48 (in Russian).
5. Downs G. W., Rocke D. M., Barsoom P. N. Is the Good News about Compliance Good News about Cooperation? *International Organization*, 1996, vol. 50, iss. 3, pp. 379–406. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033427>
6. Chayes A., Handler Chayes A. On compliance. *International Organization*, 1993, vol. 47, iss. 2, pp. 175–205. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027910>
7. *Germany's Constitution of 1949 with Amendments through 2014*. Available at: <http://constituteproject.org> (accessed 04 July 2022).
8. Modzhorian L. A., Sobakin V. K. (comp.) *Mezhdunarodnoe pravo v izbrannykh dokumentakh* [International Law in Selected Documents]. Vol. 2. Moscow, IMO Publ., 1957. 319 p. (in Russian).
9. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. ETS № 005 (Rome, 04.11.1950) (protocol no. 11 of 11.05.1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2001, no. 2, art. 163 (in Russian).
10. Protocol on the Statute of the Court of Justice of the European Union, approved by the Treaty Establishing the European Atomic Energy Community (2016/S 203/01) (Rome, 25.03.1957) (consolidated text subject to the Nice Amendments). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
11. African Charter on Human and Peoples' Rights (adopted in Nairobi on 26.06.1981). In: *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka. Sbornik dokumentov* [International Human Rights Acts. Collection of Documents. 2nd ed.]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2002, pp. 887–899 (in Russian).
12. American Convention on Human Rights ratified by members of the Organization of American States (OAS) (concluded in San Jose on 22.11.1969). *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka. Sbornik dokumentov* [International Human Rights Acts. Collection of Documents. 2nd ed.]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2002, pp. 867–886 (in Russian).
13. Tate C. N., Vallinder T. (eds.). *The Global Expansion of Judicial Power*. New York, New York University Press, 1997. 570 p.
14. Opinion of the Consultative Council of European Judges for the Cabinet of Ministers of the Council of Europe no. 18 (2015) “The state of the judiciary and its interaction with other branches of power in a modern democratic state”. London. 16.10.2015CCJE (2015) 4. *Biulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiyskoe izdanie* [Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition], 2016, no. 12 (in Russian).
15. Decree of the Grand Chamber of the European Court no. 31443/96 on the admissibility of the complaint Broniowski v. Poland dated 19.12.2002. *Biulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiyskoe izdanie* [Collection of the European Court of Human Rights. Russian edition], 2003, no. 7 (in Russian).
16. *Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P, Judgment (Grand Chamber), 18 July 2013*. Available at: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=139745&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1914364> (accessed 4 July 2022).
17. Gulasarjan A. S. Decision of the Court of Justice of the European Union in the joint case “European Commission, the United Kingdom and the Council of the European Union v. Yasin Abdullah Qadi” of 18.07.2013. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of the O. E. Kutafin University], 2015, no. 6, pp. 112–117 (in Russian).
18. *Joined Cases C-402/05 P and C-415/05 P, Jassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council of the European Union and the Commission of the European Communities. [2008] ECR I-0635*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62005CJ0402> (accessed 4 July 2022).
19. Ispolinov A. S. Court of Justice of the European Union, Yassin Kadi and Article 103 of the UN Charter. *Russian Juridical Journal*, 2013, no. 6 (93), pp. 27–35 (in Russian).
20. Anichkin E. S., Riakhovskaya T. I. “Constitutional identity”: On the specification of the term. *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 446, pp. 196–201 (in Russian).
21. Kravec I. A. Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context). *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 439, pp. 202–215 (in Russian).
22. Khabrieva T. Ya. Constitutional reform in Russia: in search of national identity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 5, pp. 403–414 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587320050035>
23. Gadzhiev G. A. On the Judicial Doctrine of Constitutional Identity. *Sud'ia* [Judge], 2017, no. 12 (84), pp. 31–35 (in Russian).
24. Liverovskiy A. A. European Identity: Constitutional Dimension. In: E. V. Viktorova (ed.) *Modern European Identity Formation in the Framework of EU Integration: Social and Cultural Dimensions*. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2018, pp. 113–117 (in Russian).
25. Zor'kin V. D. Constitutional Identity: Doctrine and Practice. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2017, no. 4 (58), pp. 1–12 (in Russian).

26. Order of the Vice-President of the Court of Justice of the European Union in case C-204/21 R of 27.10.2021. *Press release of the Court of Justice of the European Union No 192/21*. Available at: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/202110/cp210192fr.pdf> (accessed 1 July 2022).
27. Dzehtsiarou K. European Consensus and the Evolutive Interpretation of the European Convention on Human Rights. *German Law Journal*, October 2011, vol. 12, iss. 10: Special Issue Legitimacy and the Future of the European Court of Human Rights, pp. 1730–1745. <https://doi.org/10.1017/S2071832200017533>
28. Nowak M. The Need for a World Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 251–259. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngl026>
29. *International Constitutional Court proposed to protect democracy*. Available at: <http://oldside.idea/wana/international-constitutional-court-proposed-to-protect-democracy.cfm> (accessed 4 July 2022).
30. *Seoul Communique of the World Conference on Constitutional Justice (28.09 – 01.10.2014)*. Available at: https://www.venice.coe.int/wccj/seoul/WCCJ_Seoul_Communique-RUS.pdf (accessed 4 July 2022) (in Russian).
31. *Konstitutsionnyi Sud Rossiyskoy Federatsii i Konstitutsionnyi Sud Respubliki Indonezii podpisali Memorandum o sotrudnichestve* (The Constitutional Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Republic of Indonesia signed a Memorandum of Cooperation). Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3196> (accessed 4 July 2022) (in Russian).
32. Bushev E. A., Kuznecov D. A. On the way to a unified system for the protection of human rights in Asia (discourses on the prospects for the creation of the Asian Court of Human Rights). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2017, no. 5 (59), pp. 20–30 (in Russian).
33. Renshaw C. Sh. The ASEAN Human Rights Declaration 2012. *Human Rights Law Review*, 2013, vol. 13, iss. 3, pp. 557–579. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngt016>
34. In the case of checking the constitutionality of the provisions of art.1 of the Federal Law “On the Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols”, paragraphs 1 and 2 of art. 32 of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation”, Parts 1 and 4 of Art. 11, paragraph 4, part 4 of Art. 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of art. 13, paragraph 4, part 3, art. 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of art. 15, paragraph 4 of art. 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2, part 4, art. 413 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.2015. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).

Поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 16.09.2022
The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 16.09.2022